

*Иванов К.И., доцент, Беларусский
государственный университет*

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТАРОБОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С момента своего появления дело Кирилла и Мефодия становится важным фактором в развитии болгарского народа, в укреплении его феодального государства. В нём видит опору народ в исторические периоды сопротивления иностранным захватчикам.

В Болгарии нашли убежище изгнанные из Моравии ученики Кирилла и Мефодия, здесь стали создаваться литературные произведения о славянских первоучителях и их бессмертных делах.

Современники братьев оставляют ценные сведения, которые дают достоверное представление и точные оценки их личностей и творчества. Самые подробные и исторически точные данные присутствуют в произведениях одного из учеников Кирилла и Мефодия, предполагаемого создателя второго варианта славянской азбуки (кириллицы) — Климента Охридского. Неоспоримо доказано авторство Климента по отношению к “Похвальному слову Кириллу”. Есть основания считать, что его перу принадлежат “Общая похвала”, а также Пространные жития Кирилла и Мефодия”. После смерти Мефодия Климент переселяется в Болгарию. Царь Борис посылает его в Македонию, где он организует культурно-просветительскую жизнь и подготовил в течение 7 лет около 3500 учеников.

В первых произведениях о Кирилле и Мефодии братья представлены и как исторические личности, и как литературные герои. В духе традиции они изображаются как святые и необыкновенные люди, однако это не легендарные образы. Личность автора в этих произведениях проявляется прежде всего при выборе фактов из биографий первоучителей, в толковании

этих фактов и в поиске подходящих сравнений и метафор. Главная цель “Похвального слова Кириллу” — утверждение и защита сделанного первоучителями, закрепление их культа как славянских святых, необыкновенно умных и храбрых людей, посланных Богом для просвещения славян. Описывая добродетели Кирилла, Климент выражает и свое понимание того, каким должен быть совершенный и идеальный человек. В этом ему помогают и требования житийного жанра, в котором используются гиперболизация и идеализация восславляемых личностей. Арсенал выразительных средств небогат. В основном это сравнения, эпитеты, метафоры. Перед нами встает образ совершенного человека, носителя внутренней и внешней красоты. Он “благочестивый и красивый, с пречистыми руками, светлым лицом, златозарными глазами, ангельскими зеницами, многогласным языком и пресветлой душой”. Климент возводит на пьедестал своего учителя, и на примере его добровольного отречения от красоты этой жизни, славы, дома, богатства, родных показывает, каким должен быть истинный путь служения Богу. Это не пассивная, безмолвная оторванность от мира и людей, не уединение, а активность, проявленная в просветительской деятельности Кирилла. Климент как бы говорит читателю: святость человека определяется не только силой его веры, но и его делами, значимость Кирилла основана прежде всего на бессмертном деле его жизни — просвещении славян.

Есть основания рассматривать и “Пространные жития Кирилла и Мефодия” как творение Климента Охридского, хотя славистика не может до сих пор дать однозначный ответ на этот вопрос. “Пространные жития” (их называют иногда “Панонскими легендами”) дают самые полные сведения о жизни и деятельности просветителей. Некоторые авторы считают, что написанию жития Кирилла содействовал его брат Мефодий. Автор защищает убедительно главную идею произведения — право славян создавать культуру на родном языке. Те же мысли и чувства волнуют его и в житии Мефодия, где Мефодий

показан как человек с большими организаторскими способностями, как твердый борец за торжество дела, которому служит. Используются и некоторые легендарные мотивы, но они связаны с несущественными моментами в жизни героя — святого Кирилла (превращение морской воды в пресную). В кратком предисловии к описанию жития Кирилла подчеркнуто, что главным делом его деятельности было просветительство. Биография охватывает все важные моменты учения и образования великого святого. В раннем возрасте Кирилл показан как человек, любящий тишину, спокойствие, уединение и кабинетную работу. Светской жизни он предпочитает поэзию, занятия философией. Но в то же время он отдается практической работе: преподает философию, ведет диспут со свергнутым патриархом-иконоборцем, участвует в трех тяжелых миссиях (у арабов, хазар и западных славян). Везде он активен, ведет долгие и трудные споры. В Херсоне находит мощи третьего по счету папы римского Климента, учит языки, читает книги на многих языках, возвращает к христианству фульское племя. Все это свидетельствует о глубоком осознании долга, заглушающем в нем внутреннее желание уединиться. Так читатель получает представление о возможной внутренней борьбе и раздвоении Кирилла, что делает его образ еще более живым и достоверным. Живость изображения свидетельствует о том, что автором жития мог быть только человек, живущий в ту эпоху, хорошо разбирающийся в исторических событиях. Таким человеком вполне мог быть Климент Охридский, ученик Кирилла и Мефодия.

Некоторые исследователи (Э.Георгиев, А.Теодоров-Балан, Ив.Гошев) считают его и автором труда “Общее похвальное слово о Кирилле и Мефодии”. Основания для такого заключения они находят в эмоциональности изложения при описании трудностей, пережитых первоучителями в качестве переселенцев “на чужой земле, где они, как израильский праотец Авраам, испытали много мучений и восторгов, но наконец прославились”. Сам Климент после смерти своего учителя

Мефодия изгнан из “чужой земли” Моравии. Кроме того, перечень заслуг двух братьев перед славянским миром в Похвальном слове имеет большие совпадения с тем, как они излагаются в одном из бесспорных произведений Климента “Заповедания о праздниках”. Жития Кирилла и Мефодия независимо от того, кто является их автором, создают условия для культурного общения славян, они распространяются в России и Сербии, способствуют становлению сознания о славянском единстве. Таким образом, Климент является продолжателем дела Кирилла и Мефодия, создававших новую письменность именно с целью обслуживания всей славянской общности.

Староболгарские писатели IX—X вв. продолжают традиции славянских первоучителей, с одной стороны, восхвалением личностей Кирилла и Мефодия, а с другой — всем своим творчеством и переводами произведений христианско-византийской литературы. С 893 года народный славяноболгарский язык становится официальным в болгарском государстве, заменяя греческий. Византия не может смириться с тем, что инициированный ею процесс по созданию славянской письменности развивается не в том направлении, в котором ей бы хотелось. Сама обвинявшая латинцев в трёхязычной ереси, чтобы пресечь их влияние в Моравии, Византия считает уже этот догмат приемлемым и правильным и тем самым обосновывает свое отрицательное отношение к зарождающейся самостоятельной славянской культуре в Болгарии. Как ответ на нападки византийцев на славянскую азбуку возникает пламенное слово Черноризца Храбра О Буквах (О письменех). Главная цель этого единственного в своем роде в истории старославянских литератур сочинения — доказать право славянской письменности на существование при помощи доводов религиозного характера, раскрыть несостоятельность трёхязычного учения. В качестве аргумента для защиты славянской письменности автор приводит и широкую известность ее создателей, в то время как мало византийцев

знают о создателях греческого алфавита. Медленному, продолжительному процессу в культурной истории Византии он противопоставляет историю славянской азбуки: “И так, многие и в течение многих лет едва собрали 38 букв. А славянские книги сам святой Константин, названный Кириллом, и буквы создал, и книги перевел в короткое время. А те — многие и за много лет”. Средневековые взгляды о Боге — всемилостивом создателе всего — оказываются подходящими для обоснования божественного происхождения славянской письменности. Еще Климент писал в своих произведениях: “И явил Бог Философу славянские книги”. Тот же аргумент не обойден и Черноризцем Храбром. Его логика такова: славянская письменность молодая, но тоже имеет божественное происхождение, поскольку Бог создает все. Все от Бога, он милосерден ко всем, направляет человеческий род к спасению и посылает к славянам Константина-Кирилла, чтобы он создал им письмо. Дело Кирилла здесь представлено как результат сверхъестественного промысла, чтобы доказать преимущества славянской письменности по отношению к греческой, составленной язычниками. Но и сам Кирилл достоин уважения, если он один справился с такой трудной задачей, над которой работало в Византии много людей и более длительные сроки. Для человека средневековья не только все сотворено сверхъестественной силой, но и то, что уже сделано божьими руками, совершенно. Храбр, однако, смело отвергает такой взгляд, сталкивая идею статики, установленности с идеей развития. Так естественным образом находят объяснения и несовершенства созданного Кириллом алфавита. Они не смущают Черноризца Храбра. Язык, по его мнению, постоянно изменяется, развивается, и это относится как к греческому, так и к славянскому языку: “А если кто-то скажет, что Кирилл не устроил буквы хорошо, поскольку они еще устраиваются, мы ответим так: и греческие много раз усовершенствовали Акила и Симах и другие. Легче потом поправить, чем впервые создать”. Сам образ Кирилла дается бегло, в общих чертах,

внушение авторских идей почти не осуществляется через него, он дан в тесной связи с делом жизни Философа. Представление автора о Кирилле сливается с его представлением о славянстве вообще. Дело Кирилла представлено как общеславянское. Оно таким и было, таким и задумывалось. Славянская письменность — творение великого, “праведного и истинолюбивого человека”, утверждает Черноризец Храбр. В рамках обширной территории, населенной славянами, труд “О буквах” удовлетворяет желание узнать больше о происхождении славянской письменности. Большую роль при распространении этого сочинения в славянском мире сыграла, несомненно, популярность Кирилла, общего для всех славян святого. Читатель находит здесь подтверждение своего отношения к создателю славянских букв. В более поздних списках, когда борьба между болгарами и греками по вопросу о языке теряет актуальность, в фокусе внимания стоит уже именно личность Кирилла, а название меняется и становится таким: “Сказание како состави святыи Кирилл Философ азбуку”.

В разные времена и в разных по жанру произведениях Кирилл и Мефодий показаны уже в отрыве от их исторической деятельности, им приписываются новые качества и действия, меняются время и место их главного дела — создания письменности. Частично или полностью авторы удаляются от исторической правды, делая своих героев легендарными.

В Болгарии, как мы уже отмечали, работали непосредственные ученики братьев, именно поэтому здесь создано больше всего произведений о них. Болгары раньше других славян проявили стремление связать судьбу Кирилла и Мефодия со своей судьбой. В драматические моменты истории болгарская народность ищет опору в своем прошлом, создаются произведения, толкующие моменты, связанные с деятельностью просветителей, в патриотическом духе. Типичным примером в этом плане является “Солунская легенда”. Некоторые исследователи относят ее к эпохе византийского владычества, другие считают, что она написана позже, после освобождения Болгарии

(в XIII или XIV веке). Неизвестный автор излагает биографию Кирилла в форме откровения самого Кирилла Философа. Легенда содержит очень мало достоверных фактов. Рожденный в Кападокии, он учится в Дамаске. Определенный Богом в учителя болгар, он отправляется искать их, чтобы дать им “закон”. В легенде переплетаются имена двух Кириллов, живущих в разные эпохи, Кирилла Кападокийского (в VII веке) и Кирилла Философа (в IX веке). Предания о нападении славян на Солунь (VII век) смешаны со сведениями о крещении населения в Македонии и создании славянской письменности. После трехлетней кровопролитной войны болгары получают человека, “посланного им Богом”, его ведут в город Равен, здесь он создает 32 буквы (или 35). Процесс усвоения Кириллом славянского языка показан в духе легенды как чудо: “В святое воскресенье я вышел из церкви и сел на мрамор, задумавшийся и грустный. Увидел голубя ...носящего в клюве пучок инжировых палочек. Он бросил их мне. Их было 32 (или 35). Я засунул их за пазуху и отнес митрополиту. Тогда они растворились в моем теле, и я забыл греческий... Все собрались и удивлялись”. Создание болгарской письменности чудесным образом, по Божью усмотрению, величает ее в момент наступления на все болгарское. А в конце рассказа автор оповещает о том, что “болгары, сказал Господь, передадут Богу православную веру и христианство”. Тезис о богоизбранности болгарского народа напоминает об идеях мессианизма поработенных славянских народов во времена, более близкие к нашему времени. Старые и новые события, история и предания переплетаются в сочинении, в центре которого стоит Кирилл Философ. Легенда свидетельствует о глубокой связи имен и дел Кирилла и Мефодия с жизнью болгар, о том, как Кирилл превращается в национального героя, становится героем болгарской истории и болгарского самосознания.

Неправильное толкование старых текстов, желание возвысить образы Кирилла и Мефодия и влияние фольклора в более поздних памятниках постепенно приводят к

приписыванию братьям подвигов, не совершаемых ими. С удалением во времени все чаще легендарные сведения заменяют достоверные. Списки старых текстов к тому же малочисленны, недоступны всем или поступают к новым поколениям с сокращениями и исправлениями. Воображение авторов сотворяет новые связи, не имеющие ничего общего с действительными фактами. Относящееся к жанру пророческих сказаний Сказание о Сивиле (XIII—XIV вв.) в пророчестве о сарацинах (саракинах) упоминает имя отца Кирилла Философа Льва, называя его царем. Автор связывает имя отца Кирилла с такими же именами реально существовавших греческих царей. Так Кирилл становится царским сыном.

Южнославянский книжник, болгарин по происхождению, Константин Костенечский, живший в XV веке, после покорения Болгарии турками в своем грамматическом сочинении “Сказание изьявлено о письменех” снова возвращается к делу Кирилла и Мефодия, называя их “добрými и дивными мужами”. Он рассуждает о характере языка Кирилла и Мефодия и определяет его как сборный, содержащий элементы всех славянских языков, а в качестве основного называет русский. Новый тезис связан с попытками переоценки, переосмысления дела славянских первоучителей, являющимися результатом недоверия к старым письменным источникам, “испорченным” многочисленными переписываниями. Не основываясь на старых текстах, подобные толкования независимо от желания авторов приобретают больше легендарный, чем научный характер. А может быть, Константин Костенечский, указывая на общеславянскую сущность славянской письменности в момент ее создания Кириллом при помощи представителей всех славянских народов, “мудрых мужей, владеющих греческим языком”, хотел выдвинуть в те тяжелые времена идею славянского единства? Теория Костенечского, несомненно, связана с политическим положением балканских народов в первой половине XV века и с наметившимся подъемом, политическим и культурным, России в тот же период.

Порождаются надежды об избавлении от турецкого рабства с помощью могучей России. В общей форме они выражены идеями о славянском единстве и о родстве балканских славян с русским народом. Но прежде всего произведения Константина Костенечского свидетельствуют о том, что в те времена дело Кирилла и Мефодия волновало литераторов. Оно не забыто. Во времена турецкого рабства воспоминания о нем как бы стираются. Но это только внешняя сторона явления, результат уничтожения значительной части старых текстов. Имена и дела славянских первопроевсетителей живут в устных преданиях, в списках староболгарских литературных произведений, а в 18 веке с началом болгарского Возрождения братья вновь появляются в болгарской литературе как святые, создавшие болгарскую культуру и связанные с крещением болгар. О личностях и деятельности Кирилла и Мефодия говорится уже в первом произведении новоболгарской литературы “История славеноболгарская” монаха Паисия Хилендарского. В своем рассказе о создании азбуки он комбинирует две идеи — о создании славянских книг для болгар на болгарской земле и о сборном характере языка Кирилла и Мефодия. Паисий добавляет и новые толкования, связанные с его стремлением к исторической достоверности.

Автор другой истории болгарского народа иеросхимонах Спиридон (1791 г.) развивает мысль, которую нельзя связать ни с каким известным нам текстом. Спиридон утверждает, что по дороге в Болгарию Кирилл взял с собой двух монахов — Мефодия и Дамаскина, называемого Студитом. Они помогли Кириллу сочинить славянскую азбуку и перевести книги с греческого на славянский. Только после этого Кирилл отправляется в Моравию, крестит Ростислава и возводит Мефодия в сан моравского архиепископа. По-новому обоснован тезис о создании букв и переводах книг на болгарской земле до моравской миссии (по просьбе болгарского князя Бориса). Он, однако, сопровождается рядом неточностей, что создает новую легенду о Кирилле.

В эпоху Возрождения болгарский народ вновь возвращается к делу и образам Кирилла и Мефодия, чтобы черпать силы и вдохновение для борьбы с турецким гнетом. Кирилл и Мефодий укрепляют национальное самосознание болгар, их чувство принадлежности к высокой и древней культуре. Непосредственно после Крымской войны установленный церковью день поминания святых равноапостольных (11 мая по старому стилю) превращается в праздник болгарской культуры и образования. Он получает и общеславянскую ориентацию. В день Кирилла и Мефодия смело выдвигаются патриотические лозунги, организуются и спонтанно проводятся патриотические демонстрации. В наше время праздник Кирилла и Мефодия остается символом стремления болгар к культурному развитию и сознания принадлежности к славянскому миру. Болгария признана классической “священной землей” для всего славянского мира, так как Кирилл и Мефодий сделали именно один из болгарских говоров книжным языком всего православного славянства, хорватских католиков и на несколько веков книжным языком русских и румын.

Одно из проявлений исторического единства болгарской литературы — это создание и выдвижение национальных символов, художественных образов, переходящих из литературы в национальное сознание. Несомненно, среди этих символов главное место занимают образы Кирилла и Мефодия и их деятельность, отраженные в произведениях староболгарской и новоболгарской литературы.